

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОЛИНГВИСТИКИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

А. В. Гарифуллина, Е. В. Шелестюк

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматриваются основные этапы развития эколингвистики как междисциплинарной сферы науки. Изложен путь становления отрасли, начиная от первых попыток изучения взаимосвязи языка и природы и заканчивая современным состоянием дисциплины. Особое внимание уделено развитию эколингвистики в российских научных кругах, её тенденциям и теоретическим проблемам.

Ключевые слова: *эколингвистика, экология языка, лингвоэкология, теория языка.*

Развитие эколингвистики как дисциплины началось относительно недавно, но интерес к изучению взаимоотношения языка и окружающей природы существовал ещё до создания этого ответвления лингвистики. Как отмечает в своей статье Д. Форте [24], впервые интерес к вопросам, которые сейчас разрабатываются экологией языка, — использованию языка и его позитивному влиянию на сознание человека — возник ещё в работах античных философов, таких как Гераклит, Парменид, Кратил и др. Концепция языка как живого организма появилась в трудах учёных XIX века, работавших в направлении сопоставительной грамматики, таких как Расмус Раск, Франц Бопп, Август Шлейхер. Под влиянием активно развивавшегося в то время натуралистического подхода в науке, в частности трудов Чарльза Дарвина, А. Шлейхер приходит к мысли, что процессы зарождения и развития естественного языка схожи с процессами, протекающими у всех других живых организмов [5. С. 116].

На взаимодействие природы и общества через язык указывал В. фон Гумбольдт. По его словам, «весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне... Язык при этом не просто переносит какую-то неопределённую массу материальных элементов из природы в нашу душу; он несёт в себе ещё и то, что предстает нам во всей совокупности бытия как форма» [3. С. 80—81].

Другим лингвистом, стоящим у истоков развития эколингвистики, современные учёные считают Эдварда Сепира, который в своём докладе «Язык и среда» («Language and Environment») использовал концепт «среды» по отношению к языку, подразумевая, что язык взаимодействует с физическими и социальными факторами жизни людей.

Сам термин «экология языка» впервые был введен американским профессором-лингвистом Эйнарсом Хаугеном в его труде, озаглавленном «The Ecology of Language» и изданном в 1972 г. Экология используется в его работе в качестве метафоры для проведения параллелей между языком и живыми организмами. Экологические отношения между определёнными видами растений и животных и их средой обитания метафорически переносятся на отношения между языком и его средой. Биоэкология «переносится» на языки: такие концепты и термины, как окружающая среда, охрана (природы), взаимное влияние проникают в социолингвистические исследования, открывая возможность рассмотреть проблематику данной отрасли под новым углом. Таким образом, под экологией языка Хауген понимает науку о взаимодействиях между любым языком и окружающей его средой, т. е. обществом, использующим данный язык в качестве одного из кодов [29. Р. 325]. Язык существует только в сознании его носителя, а его функцией является установление отношений между его носителями, обществом (социальной окружающей средой) и природой (естественной окружающей средой). Из этого следует, что экология языка включает в себя два аспекта: психологический и социологический.

Первый аспект рассматривает экологию языка с точки зрения психологии, психолингвистики и когнитивной лингвистики, то есть изучает то, как язык взаимодействует с мышлением человека и с другими языками в голове носителя двух и более языков. Социологический аспект проявляется во взаимодействии языка с обществом, в котором он функционирует в качестве средства коммуникации. В зависимости от того, кто является носителем языка, кто изучает, использует и транслирует другим

этот язык, определение экологии языка может меняться [29. Р. 325—327]. Видно, что Э. Хауген рассматривает язык в качестве: 1) кода, инструмента, используемого обществом; 2) среды, в которой существует это самое общество.

В российских научных кругах первенство в изобретении экологии языка признаётся за Э. Хаугеном, в то время как англо-американское научное общество особо отмечает работу Майкла Халлидея [26], как давшую основной толчок к изучению экологического контекста языков. В докладе, представленном в 1990 г. на международной конференции по прикладной лингвистике в Салониках (Греция) и позже опубликованном, М. Халлидей, вслед за предшествующими высказываниями Л. Витгенштейна, Дж. Серля, Дж. Остина и проч., утверждал, что «язык не пассивно отражает реальность; язык активно создаёт реальность» [25. Р. 186].

Халлидей предлагает использовать «в качестве метатеории» теорию грамматики, чтобы понять, как грамматика, в широком смысле слова, т. е. как грамматический строй и лексический состав языка, формирует человеческий опыт [30]. Он утверждает, что изменения в языке могут привести к изменениям в существующем мировом порядке. Таким образом, М. Халлидей утверждает, что прикладная лингвистика является движущей силой, которая может изменить сознание людей, а не просто оформить идеологически нейтральный инструмент для ведения политики. Учёный выделяет три «проблемные сферы», которые ставят перед человечеством трудноразрешимые задачи на ближайшее будущее: языковое планирование, диапазон научного дискурса и диапазон языка и предрассудков, включающий в себя внедрение ресурсов в языковую систему, которая, по словам его более поздних интерпретаторов, «является источником сексизма, расизма, ростизма и классового неприятия».

Рядом его учеников [23], в духе «полицейской мысли» романа «1984» Дж. Оруэлла, выдвигается цель запретить «использовать вредоносные дискурсивные формы по отношению к другим видам и окружающей среде и изменить их формулировку, чтобы изменить взаимоотношения между ними к лучшему». Чтобы достичь этой цели, предлагается обратиться к теоретическим и методологическим средствам смежных дисциплин, таких как социолингвистика, этнолингвистика, социология языка и особенно критический дискурс-анализ.

В совокупности подходы Э. Хаугена и Дж. Халлидея, а также их последователей, позволяют включить в рамки эколлингвистики далеко отстоящие друг от друга вопросы, от искусственно сконструированных до связанных с реально существующими и острыми проблемами: дискурс-анализ видовой дискриминации животных, загрязнения окружающей среды; проблемы, возникающие на почве внутри- и межъязыкового взаимодействия; политическая ситуация вокруг исчезающих языков; лингвистический неокOLONIALИЗМ под видом англоязычного глобализма.

Труды Э. Хаугена и М. Халлидея вдохновили многих ученых начать исследования в сфере экологии языка. Приведём примеры исследований в области эколлингвистики. Ряд исследователей заинтересовались ролью языка при решении вопросов среды обитания человека и общества, а также связью языка со средой обитания его носителей, возникла «инвайроментальная лингвистика» (*environmental linguistics*) [27; 28]. В Германии в этом русле активно разрабатывается специфическая философия экологической лингвистики, среди представителей которой выделяются такие авторы, как Питер Финке и Вильгельм Трампе. П. Финке рассматривает эколлингвистику как науку, выходящую за рамки традиционных методов исследования и ставящую язык на позицию связующего звена между природой и культурой [24. Р. 408—411]. Поскольку культура зависит от природы, а природа находит своё отражение в культуре, П. Финке описывает различные системы и подсистемы общества как «культурные экосистемы». Как наше ежедневное природопользование ставит под угрозу необходимые для жизни творческие ресурсы, так использование языка его носителями может навредить креативным силам языка [10. Р. 252]. В. Трампе, один из учеников П. Финке, утверждает, что люди живут в т. н. «системе язык — мир», которая позволяет подобрать необходимые слова под существующие реалии этого мира. Также он проводит параллель между тем, как люди используют язык, и тем, как организмы живут в экосистеме, что помогает понять процесс взаимного обмена между языком и миром. В. Трампе делает вывод, что языковое разнообразие находится под угрозой и критикует развитие языка с экологической точки зрения: «язык ресурсосберегающего сельского хозяйства отражает техноэкономическую идеологию, слово *production* замещает формы *growing*, *giving* и эвфемизирует *taking away* и *killing*» [34]. Такой

подход наводит многих на мысль, что ученые на волне психолингвистического пуризма пытаются принудительно изменить языковые системы из-за якобы имеющих место в них искажений и упадка, что, в свою очередь, подразумевает определенную манипуляцию с понятиями.

А. Филл предлагает подход, в котором эколингвистика — это «теоретическое, методологическое и эмпирическое изучение языка, которое выдвигает перед исследователями такие задачи, как поиск непротиворечивых теорий языка, изучение языковых систем, текстов и универсалий, связанных с экологической проблематикой, изучение роли языка в достижении экограмотности» [22. Р. 51].

П. Мюльхойслер, австралийский эколингвист немецкого происхождения, использует термины «экология» и «окружающая среда» как в качестве метафоры по отношению к проблемам лингвистики, так и в буквальном смысле, т. е. в смысле этнобиологического разнообразия. Работая с гибридными и креольскими языками и пытаясь возродить языки аборигенов Южной Австралии, Мюльхойслер склоняется к позиции этноцентризма. Он использует эколингвистическую «фразеологию» для призыва к поддержке языкового разнообразия. Языковое же разнообразие у Мюльхойслера отражает «тысячелетия приспособления человечества к условиям окружающей среды», а языки в той или иной степени зависят от биологического разнообразия [23. Р. 12].

Через призму эколингвистики некоторые ученые дают свою оценку языковой политике стран, ставящих своей целью глобальное распространение своего языка и вытеснение других. Социолингвисты Р. Филлипсон и Т. Скотнабб-Кангас в своих работах говорят о лингвистическом империализме (прежде всего, со стороны английского языка как воплощении экономико-политического неимпериализма англосаксонских стран), о лингвистике языков и сокращении языкового разнообразия благодаря политике колониализма и глобализации, распространению капиталистической экономической системы, процессам модернизации и интернационализации [33]. Опираясь на концепцию японского ученого Ю. Тсуды, они рассматривают две парадигмы языковой политики: «парадигму распространения английского языка» (Diffusion of English Paradigm) и «парадигму экологии языка» (Ecology of Language Paradigm). Первая парадигма предполагает протекание процессов, указанных нами выше, включая американизацию, гомогенизацию

культур и монолингвизм. Вторая включает в себя защиту национального суверенитета, многоязычие, поддержание разнообразия и языков, и культур, равенства и права человека.

Поддерживая «парадигму экологии языка», Р. Филлипсон и Т. Скотнабб-Кангас отстаивают необходимость мониторинга влияния английского языка на разные страны, их культуру и сферу образования [31]. Авторы также говорят о необходимости защиты и законодательного закрепления «лингвистических прав человека» (linguistic human rights) на межгосударственном и региональном уровнях. Подразумевается, что каждый индивид может положительно отождествлять себя с родным(и) языком(-ами); такое тождество должно уважаться другими индивидами, вне зависимости от того, является ли их язык языком меньшинства или большинства; право изучать и использовать родной(-ые) язык(-и) незыблемо и т. п. [32].

В России становление эколингвистики приходится на 1980—2000-е гг., когда стала разрабатываться теория культуры речи с экологическим уклоном. Исследователи выделяют несколько советских ученых, стоявших у истоков российской эколингвистики. Социальные и научно-технические изменения в СССР и одновременное распространение западной культуры вызвали изменения в русском языке. Эти изменения одним из первых отметил Д. С. Лихачев в статье «Экология культуры», выпущенной в 1979 г, где он проводит связь между экологией биологической и экологией культурной [13. С. 50]. Использование терминов «экология языка» / «лингвистическая экология» и рассмотрение проблемы экологизации отечественной науки началось с советского и российского лингвиста Л. И. Скворцова [19. С. 5]. С его точки зрения, культура мышления и речевого поведения, воспитание лингвистического вкуса, защита и «оздоровление» литературного языка, определение путей и способов его обогащения и совершенствования являются предметом лингвозкологии [18. С. 82]. «Лингвозкология и экология слова должны заботиться, во-первых, “об очищении русского языка от засоряющих его просторечных, диалектных, жаргонных слов, обценной лексики, от ненужных иноязычных заимствований, от типичных ошибок и отклонений от нормы в устной и письменной речи”, во-вторых, о сохранении окружающей речевой среды от так называемых “загрязнений”, а также бороться с “лингвистическим нигилизмом”» [17. С. 295].

А. П. Сковородников квалифицировал лингвоэкологию как самостоятельное направление гуманитарной науки, развивающееся на стыке различных социологических, лингвистических, психологических наук. В лингвоэкологических рамках исследуется проблематика языковой и речевой среды, т. е. «проблематика языковой и речевой деградации (изучение факторов, негативно влияющих на развитие языка и его речевую реализацию) и проблематика языковой и речевой реабилитации (изучение путей и способов обогащения языка и совершенствования социальной практики общения на данном языке)» [19. С. 7].

Распространение и развитие идей Э. Хаугена и М. Халлидея в российских научных и общественных кругах обогатили теории российских первопроходцев экологии речи. Из работ Э. Хаугена был заимствован в русский язык термин «языковая среда», вставший в один ряд с понятиями из смежных дисциплин (языковая политика, языковая ситуация, языковая норма и т. д.). Идеи М. Халлидея нашли своё отражение в изучении проблем окружающего мира через анализ дискурса [7. С. 136].

Учёные проводят исследования не только в рамках одного языка, но и исследования сопоставительного характера, сравнивая подходы к решению одной проблемы экологического дискурса в разных языках.

Возникает направление экологии перевода (термин предложен Л. В. Кушниной) на основе концепции гармонизации переводческого пространства, где под переводом понимается «целостный интегративный процесс транспонирования смыслов текста одной культуры в текст другой культуры, управляемый как глубинными, так и сверхглубинными процессами» [12. С. 62].

А. А. Бернацкая исследует возможность разбить экологию языка на аспекты её изучения по итогам комплексного анализа работ лингвоэкологов. Выделяя объектом лингвоэкологии взаимодействие языка со средой, она выделяет три возможных аспекта: интралингвальный, интерлингвальный и транслингвальный. Первый — интралингвальный — аспект является традиционным. Он связан со стилистикой языка, культурой и коммуникативными свойствами речи. В рамках интерлингвального аспекта изучается «полиязычие как среда обитания отдельного этнического языка» и исследуются проблемы исчезновения языков. Последний аспект — транслингвальный — «связан с использованием единиц, средств,

реалий одного языка, одной культуры в контексте и средствами иного языка, принадлежащего другой культуре» [2].

Г. А. Копнина предлагает разделить исследования в эколингвистике на экологию языка и экологию речи. Первое предполагает составление экологического профиля языка, в котором концентрируются все основные проблемы экологичности языка, разработку системы лингвоэкологической безопасности, которая поможет предотвратить обеднение языка. Второе изучает речевое поведение человека, экологичность коммуникативной среды и речевых текстов, что могло бы помочь в формировании экологичного мышления [8].

На основе этой идеи С. В. Ионова выделяет два подхода к исследованию лингвистических проблем, в основе которых стоит свой объект исследования — конкретный «организм». В первом подходе, обозначенном как экология языка/речи, объектом является язык, который «требуется спасти и охранять от воздействия негативной окружающей среды». Во втором подходе, обозначенном как экология человека/общества, объектом выступают конкретный индивид, сообщества или социум, которые тоже нужно защищать от неблагоприятного информационного окружения, которое может привести к нарушениям психического и физического здоровья личности, разрушению позитивных отношений между людьми, несоблюдению общественных правил и т. п. [7].

В настоящее время перед учеными стоит проблема единого терминопотребления и трактования терминов эколингвистики. Е. А. Сущенко ставит термины «экология языка», «языковая экология», «лингвистическая экология», «лингвоэкология» и «эколингвистика» в один синонимический ряд [20. С. 124]. А. П. Сковородников приравнивает в своем словаре-справочнике понятия «лингвоэкология», «экология языка» и «эколингвистика», говоря о них как об отрасли языкознания [21. С. 301—302].

О. Б. Сиротина развивает идею, что лингвоэкология и экология языка являются разными понятиями, также вводя в употребление термин «экология речи». В своих работах лингвоэкологией она называет «экологию языка и речи как отрасль языкознания, в которой исследуются все факты и факторы, способствующие позитивным и предупреждающие негативные изменения; экологией языка — «сохраняющийся или формирующийся баланс между составляющими систему языка единицами и принятыми правилами

их использования в узусе»; экологией речи — баланс взаимодействия в общении адресанта и адресата [16].

А. В. Кравченко предлагает определение экологии языка с опорой на биологически ориентированный подход, замечая, что концепция Э. Хаугена «неадекватна», поскольку не позволяет выйти эколингвистическим исследованиям за рамки языкового мифа. Изучая место экологии языка в теории живых систем, ученый полагает, что под экологией языка понимается его «биокогнитивная функция поддержания общества как живой системы в единстве ее когнитивных (ориентирующих языковых) взаимодействий» [9].

А. А. Полухин полагает, что причина путаницы в разграничении понятий заключается в том, что отечественные лингвисты, исследуя вопросы «экологической лингвистики», используют термин «лингвоэкология». Соответственно, «этот раздел эколингвистики стал синонимом эколингвистики в целом, вследствие чего в работах российских лингвистов можно часто встретить взаимозаменяемые термины — “эколингвистика” и “лингвоэкология”» [14].

По мнению Н. А. Курашкиной [11], стоит разграничить эколингвистику и лингвоэкологию. В её понимании эколингвистика объединяет под собой множество «подходов, преследующих разнообразные цели». Лингвоэкология, в свою очередь, «представляет собой лишь одну из отраслей, объединяющих экологию и лингвистику, являясь при этом неотъемлемой частью эколингвистики».

Н. С. Бербина указывает, что данная проблема встречается не только в российской научной традиции, приводя в пример работу С. В. Стеффенсена и А. Филла, где авторы, проводя анализ направлений эколингвистики, выделяют символическую экологию языка, когнитивную экологию языка и др. [1. С. 74].

М. В. Загидуллина рассматривает коммуникативное поле вокруг понятия эколингвистики в ракурсе концепции «текущей современности» Зигмунта Баумана. Четыре аспекта эколингвистики (символический, природный, социокультурный, когнитивный) сочетаются в двух полярных подходах: биологическом и противостоящем ему культурном. Автор обсуждает возможность их синтеза и предлагает на его основе «третий путь», который она называет «зеленой лингвистикой». Это направление понимает явления, в том числе социальные, как живые системы, которые имеют собственный баланс и сложную

иерархию. Эколингвистика (или лингвоэкология), по мнению М. В. Загидуллиной, сосредоточены в основном на своем самоописании, на размышлениях о значимости избранного подхода и перспективах его развития в ущерб прикладным исследованиям и оттачиванию методик. В концепции «текучести языка», такие понятия и процессы, как чистота языка и его загрязнение, «речевой мусор», деградация и процветание, развитие и регресс могут свидетельствовать о возникновении и развитии новых форм коммуникации. «“Зеленая лингвистика”, рассматривая эти процессы с точки зрения закономерностей и значимости их появления, в чем мы видим ее опору на биологический подход к языку, в то же время работает с понятием вертикали и нормы, выявляя принципы такого нормирования в коммуникационных системах, возникающих и действующих стихийно, и это роднит ее с социокультурным подходом» [4. С. 62].

Итак, в статье мы рассмотрели проблемы, связанные со становлением новой междисциплинарной сферы — эколингвистики. Ставя перед собой задачу изучить взаимоотношение природы и социума с языком и речью человека, ученые дали толчок экологизации научного знания, вследствие чего появилось огромное количество новых направлений исследований, заимствовавших терминологический аппарат из сферы экологии. Российская эколингвистика на современном этапе систематизирует накопленные теоретические знания и практический опыт в данной отрасли. Российский журнал «Экология языка и коммуникативная практика» каждый год публикует статьи и рецензии исследователей, как разрабатывающих теоретические вопросы лингвистической экологии, так и решающих задачи прикладного характера. Новая дисциплина привлекает с каждым годом всё больше внимания к себе и своей проблематике, позволяя учёным взглянуть на старые проблемы под новым углом, с точки зрения эколингвистического подхода.

У каждого из трёх основных направлений эколингвистики, выделенных ещё А. Филлом [23], прослеживаются свои объекты исследования:

1) экология языка ставит перед собой задачу изучить взаимосвязь между языками, их воздействие друг на друга и проблемы сохранения языкового и этнокультурного многообразия, используя метафору биоэкологии (т. е. перенос её терминологического аппарата, методов и принципов на язык) (Э. Хауген, П. Мюльхойслер, Ф. Криер);

2) экологическая лингвистика, расширяя метафоричный подход экологии языка и используя «метафору экосистемы», изучает непосредственно язык, то, как он взаимодействует с его «окружающей средой» (т. е. миром), и исследует языковые и культурные системы мира (П. Финке, В. Трампе);

3) лингвистическая (языковая) экология, или лингвоэкология занимается изучением взаимодействия языка и экологических проблем, т. е. то, какую роль играет язык в решении экологических вопросов и проблем окружающей среды (М. Халлидей, М. Юнг).

Соответственно, эколлингвистика представляет нам междисциплинарной наукой, объединяющей под собой все вышеуказанные подходы: применение биоэкологических принципов и методов в лингвистике в качестве метафоры; рассмотрение лингвистических проблем через призму экологии и экологических проблем через призму лингвистики; изучение проблем взаимосвязи языков, культур и общества.

В нашем предстоящем исследовании, которое заключается в изучении концептосферы текстов дидактического характера, самым релевантным направлением эколлингвистики представляется экология языка. Тем не менее, используя принципы эколлингвистики, можно будет оценить семантические центры, концепты и темы, выделяемые в текстах учебников, на предмет их «экологичности». Автоматизированный семантико-концептуальный анализ текста позволит нам определить наиболее частотные темы обсуждения и обозначит их контексты, а объекты

исследования трех вышеуказанных направлений выступят в качестве критериев оценки.

Помимо этого, в качестве одного из методов оценки экологичности текстов можно предложить созданную А. В. Пузырёвым [15] семиуровневую пирамиду установок, которая позволяет определить уровень конструктивности/деструктивности текста. Несмотря на то, что в текстах дидактического характера отсутствует прямая агрессивность, которая изобилует в текстах, например, медиапространства, есть возможность выделить, какие контексты предпочитают замалчивать авторы данных текстов, как они смещают акценты и ракурсы на более позитивные вопросы, выстраивая, таким образом, определённый взгляд и отношение обучающихся к обсуждаемым темам, реалиям и персоналиям.

Таким образом, объединив вышеуказанные подходы, можно сформулировать основные критерии оценки экологичности текстов:

- 1) правильность речи и чистота языка;
- 2) уважение ко всем языкам и культурам, изучение иностранного/второго языка и культуры в контексте национального (родного) языка и культуры;
- 3) этичность коммуникации и концептуализации образа мира (т. е. презентации тех или иных концептов), отражённая в конструктивности/деструктивности текстов.

Оценка соблюдения или несоблюдения данных критериев составит методику изучения экологичности разнообразных текстов, в том числе, дидактических.

Список литературы

1. Бербина Н. С. Аргументация критики в науке о языке (эколлингвистический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2020. 450 с.
2. Бернацкая А. А. О трех аспектах экологии языка // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. 2003. № 4. С. 122—125.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер с нем. / под общ. ред. Г. В. Рамишвили. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
4. Загидуллина М. В. Содержательная динамика эколлингвистики: к вопросу о современном состоянии научного поля в междисциплинарном аспекте и медиаисследовательских перспективах // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 9 (391). Филологические науки. Вып. 102. С. 57—65.
5. Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. Ч. 1. 466 с.
6. Иванова Е. В. К проблеме исследования экологического дискурса // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 134—137.
7. Ионова С. В. О двух аспектах эколлингвистических исследований // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 10—25.

8. Копнина Г. А. Экология языка и экология речи как разделы эколингвистики // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 78—89.
9. Кравченко А. В. Два взгляда на экологию языка и экологическую лингвистику // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 90—99.
10. Курашкина Н. А. Истоки и пути развития эколингвистики // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 246—250.
11. Курашкина Н. А. Эколингвистика или лингвоэкология? Терминологическая дилемма междисциплинарной научной области // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 143—156.
12. Кушникова Л. В. Динамика переводческого пространства: гештальт-синергетический подход. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2003. 232 с.
13. Лихачев Д. С. Экология культуры // Прошлое — будущему: статьи и очерки. Л.: Наука, 1985. 575 с.
14. Полухин А. А. Современное языкознание и экологическое мышление // Опыты-2008: сб. науч. тр. СПб.: РИО ГПА, 2009. С. 65—73.
15. Пузырёв А. В. Онтогенез пирамиды установок // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: материалы XVI-й Междунар. науч. конф. (11—13 мая 2016 г., Орехово-Зуево); отв. ред. проф. А. В. Пузырёв. М.: Ин-т языкознания РАН; Орехово-Зуево: Гос. гуман.-технол. ун-т, 2016. С. 30—42.
16. Сиротинина О. Б. Размышления о том, как должна пониматься борьба за экологию языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 188—204.
17. Скворцов Л. И. Лингвистическая экология или лингвоэкология // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник; под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева [и др.]. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 295.
18. Скворцов Л. И. Язык, общение и культура (Экология и язык) // Русский язык в школе. 1994. № 1. С. 81—86.
19. Сковородников А. П. Лингвистическая экология: проблемы становления // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюл.; отв. ред. А. П. Сковородников. Красноярск; Ачинск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1996. Вып. 1. С. 5—9.
20. Сущенко Е. А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / под ред. Л. Г. Татарниковой. СПб.: ИД «Петрополис», 2011. 424 с.
21. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Изд-во Сиб. фед. ун-та, 2012. 852 с.
22. Fill A., Steffensen S. V. Ecolinguistics: The state of the art and future horizons // Language Sciences. 2014. No. 41. P. 6—25.
23. Fill A. Ecolinguistics — State of the Art 1998. Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik. 1998. Vol. 23. No. 1. Pp. 3—16.
24. Finke P. Transdisciplinary linguistics: ecolinguistics as a pacemaker into a new scientific age // The Routledge handbook of ecolinguistics; ed. by A. Fill, H. Penz. New York: Routledge, 2017. P. 406—419.
25. Forte D. L. Ecolinguistics: The battlefield for the new class struggle? // Language & Ecology. 2020. URL: <http://ecolinguistics-association.org/journal>.
26. Halliday M. A. K. New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics // The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment; ed. by A. Filland, P. Mühlhäusler. London and New York: Continuum, 2001. P. 175—202.
27. Harrison K. D. Nature Speaks: How Environmental Linguistics may help save the planet // Medium. URL: <https://medium.com/@dharris2/nature-speaks-how-environmental-linguistics-may-help-save-the-planet-eaea06113ba2>.
28. Harrison K. D. Languages, Plants and People: On Environmental Linguistics // Academia. URL: https://www.academia.edu/39769374/Languages_Plants_and_People_On_Environmental_Linguistics.
29. Haugen E. I. The Ecology of Language: essays by Einar Haugen. Selected and Introduced by Anwar S. Dill. Stanford, California: Stanford University Press, 1972. 366 p.
30. Law L., Matthiessen C. Revisiting Halliday's (1990) "New ways of meaning: The challenge to applied linguistics": What has changed and what still needs to be done? // The Conference on Language and Ecology: Towards a Shared Narrative in Interdisciplinary Research. Hong Kong, 2019.

31. Phillipson R., Skutnabb-Kangas T. English Only Worldwide or Language Ecology? // TESOL Quarterly. 1996. Vol. 30. No. 3: Language Planning and Policy. P. 429—452.
32. Skutnabb-Kangas T., Phillipson R. A human perspective on language ecology // Encyclopedia of Language and Education. Vol.9: Ecology of Language; ed. by A. Creese, P. Martin, N. Hornberger. New York: Springer, 2008. P. 3—14.
33. Skutnabb-Kangas T., Phillipson R. The Global Politics of Language: Markets, Maintenance, Marginalization, or Murder? // The Handbook of Language and Globalization; ed. by N. Coupland. London: Wiley-Blackwell. 2010. P.77—100.
34. Trampe W. Language and Ecological Crisis: Extracts from a Dictionary of Industrial Agriculture // The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment; ed. by A. Filland, P. Mühlhäusler. London and New York: Continuum, 2001. P. 235—238.

Сведения об авторах

Гарифуллина Анастасия Владиславовна — аспирант историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. neftida.zlat@rambler.ru

Шелестюк Елена Владимировна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. shelestiuk@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 53—62.*

THE HISTORY OF ECOLINGUISTICS: FOREIGN AND RUSSIAN EXPERIENCE

A. V. Garifullina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. neftida.zlat@rambler.ru

E. V. Shelestuk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. shelestiuk@yandex.ru

The article reviews the key milestones in the evolution of ecolinguistics, or ecological linguistics as interdisciplinary studies emerged from sociolinguistics and ecology. The authors study the path of a new paradigm's evolution, starting from the first-ever attempts to delve into interaction between language and nature (e.g. the ideas of A. Schleicher and W. von Humboldt), going through the rise of studies aimed at the discussing the role of language between humans and their environment (E. Haugen and M. Halliday) and ending with the contemporary state of this branch of science. Special attention has been given to ecolinguistics development within Russian academic circles, its potential and theoretical problems such as controversy in definitions of ecolinguistics, lack of practical experience and a consistent approach to the research.

Keywords: *ecolinguistics, ecology of language, linguoecology, linguistic ecology, green linguistics, theory of language.*

References

1. Berebina N. S. (2020) Argumentaciya kritiki v nauke o yazyke (ekolingvisticheskiy aspekt) [Critics' reasoning in linguistic science (ecolinguistics aspect). Thesis]. Irkutsk. 450 p. [in Russ.].
2. Bernackaya A. A. (2003) *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 4, pp. 122—125 [in Russ.].
3. Humboldt W. von. (2000) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Linguistics selecta: trans. from German]. Moscow, Progress. 400 p. [in Russ.].
4. Zagidullina M. V. (2016) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Chelyabinsk State University)*, no. 9 (391), *Filologicheskiye nauki*, issue 102, pp. 57—65 [in Russ.].

5. Zvegincev V. A. (1964) *Istoriya yazykoznanija XIX—XX vekov v ocherkah i izvlecheniyah* [History of linguistics of 19—20th centuries in essays and extracts]. Moscow, Prosveshchenie. Vol. 1. 466 p. [in Russ.].
6. Ivanova E. V. (2007) *Politicheskaya lingvistika*, no. 3 (23), pp. 134—137 [in Russ.].
7. Ionova S. V. (2016) *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, no. 1, pp. 10—25. [in Russ.].
8. Kopnina G.A. (2014) *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, no. 2, pp. 78—89 [in Russ.].
9. Kravchenko A. V. (2014) *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, no. 2, pp. 90—99 [in Russ.].
10. Kurashkina N. A. (2016) *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept»*, vol. 15, pp. 246—250 [in Russ.].
11. Kurashkina N. A. (2015) *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, no. 2. pp. 143—156 [in Russ.].
12. Kushnina L. V. (2003) *Dinamika perevodcheskogo prostranstva: geshtal't-sinergeticheskij podhod* [Dynamics of translation process: Gestalt and synergetic approach]. Perm. 232 p. [in Russ.].
13. Lihachev D. S. (1985) *Ekologiya kul'tury* [Ecology of culture]. Proshloe — budushchemu: stat'i i ocherki [Past — Future: Articles and Essays]. Leningrad, Nauka. 575 p. [in Russ.].
14. Poluhin A. A. (2009) *Sovremennoe yazykoznanie i ekologicheskoe myshlenie* [Contemporary linguistics and ecological way of thinking]. St. Petersburg: RIO GPA. Pp. 65—73 [in Russ.].
15. Puzyryov A. V. (2016) *Ontogenez piramidy ustanovok* [Ontogenesis of the affirmation pyramid]. *Yazyk i myshlenie: Psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty* [Language and Thinking: Psychological and Linguistic Aspects]. Moscow, In-t yazykoznanija RAN; Orekhovo-Zuevo, State Humanitarian and Technological University. Pp. 30—42 [in Russ.].
16. Sirotinina O. B. (2013) *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, no. 1. pp. 188—204 [in Russ.].
17. Skvorcov L. I. (2003) *Lingvisticheskaya ekologiya ili lingvoekologiya* [Linguistic ecology or linguoecology]. *Kul'tura russkoj rechi: Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik* [Culture of Russian Speech: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Flinta: Nauka. P. 295. [in Russ.].
18. Skvorcov L. I. (1994) *Russkij yazyk v shkole*, no. 1, pp. 81—86 [in Russ.].
19. Skovorodnikov A. P. (1996) *Lingvisticheskaya ekologiya: problemy stanovleniya* [Linguistic ecology: the problem of evolvement]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya* [Theoretical and applied aspects of verbal communication]. Krasnoyarsk; Achinsk, Krasnoyarsk Univ. Publ. Pp. 5—9 [in Russ.].
20. Sushchenko E. A. (2011) *Slovar'-spravochnik lingvoekologicheskikh terminov i ponyatij* [Dictionary and reference book of linguoecological terms and concepts]. St. Petersburg, Petropolis. 424 p. [in Russ.].
21. Skovorodnikov A. P. (ed.) (2012) *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetencii): slovar'-spravochnik* [Effective oral communication (baseline competencies): dictionary and reference book]. Krasnoyarsk, Siberian Federal Univ. Publ. 852 p. [in Russ.].
22. Fill A., Steffensen S. V. (2014) *Language Sciences*, no. 41, pp. 6—25.
23. Fill A. (1998) *Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*, vol. 23, no. 1, pp. 3—16.
24. Finke P. (2017) *Transdisciplinary linguistics: ecolinguistics as a pacemaker into a new scientific age* // *The Routledge handbook of ecolinguistics*; ed by A. Fill, H. Penz. New York, Routledge. Pp. 406-419.
25. Forte D. L. (2020) *Ecolinguistics: The battlefield for the new class struggle?* Available at: <http://ecolinguistics-association.org/journal> (accessed 15.01.2021).
26. Halliday M. A. K. (2001) *New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics* // *The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment*; ed. by A. Filland, P. Mühlhäusler. London and New York, Continuum. Pp. 175—202.
27. Harrison K. D. *Nature Speaks: How Environmental Linguistics may help save the planet* // Medium. Available at: <https://medium.com/@dharris2/nature-speaks-how-environmental-linguistics-may-help-save-the-planet-eaea06113ba2> (accessed 15.01.2021).
28. Harrison K. D. *Languages, Plants and People: On Environmental Linguistics* // Academia. Available at: https://www.academia.edu/39769374/Languages_Plants_and_People_On_Environmental_Linguistics (accessed 15.01.2021).
29. Haugen E. I. (1972) *The Ecology of Language: essays by Einar Haugen* [Selected and Introduced by Anwar S. Dill]. Stanford, California, Stanford University Press. 366 p.

30. Law L., Matthiessen C. (2019) Revisiting Halliday's (1990) "New ways of meaning: The challenge to applied linguistics": What has changed and what still needs to be done? // *The Conference on Language and Ecology: Towards a Shared Narrative in Interdisciplinary Research*. Hong Kong.

31. Phillipson R., Skutnabb-Kangas T. (1996) *TESOL Quarterly*, vol. 30, no. 3: Language Planning and Policy, pp. 429—452.

32. Skutnabb-Kangas T., Phillipson R. (2008) A human perspective on language ecology // *Encyclopedia of Language and Education*. Vol. 9: Ecology of Language; ed. by A. Creese, P. Martin, N. Hornberger. New York, Springer. Pp. 3—14.

33. Skutnabb-Kangas T., Phillipson R. (2010) The Global Politics of Language: Markets, Maintenance, Marginalization, or Murder? // *The Handbook of Language and Globalization*; ed. by N. Coupland. London, Wiley-Blackwell. Pp. 77—100.

34. Trampe W. (2001) Language and Ecological Crisis: Extracts from a Dictionary of Industrial Agriculture // *The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment*; ed. by A. Filland, P. Mühlhäusler. London and New York, Continuum. Pp. 235—238.